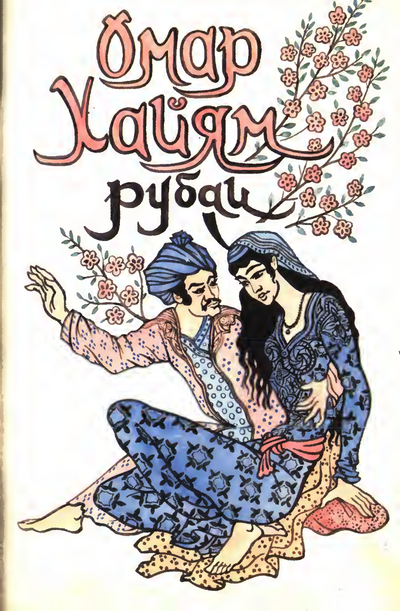

Омар
Хайям
рубаи

О. Хайям

РУБАИ

Екатеринбург
1992

ББК 83.35
Х15

Репринтное издание сборника «Рубайат»,
выпущенного Главной редакцией восточной литературы
издательства «Наука» в 1972 г.

Омар Хайям
Х15 Рубаи. Пер. с перс. Г. Плисецкого. Изд-во «Кедр», Екатеринбург. 1992.

Х $\frac{4703020200-002}{Е71(03)-92}$

ISBN 5—88312—065—2

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! —
Вот последняя правда, открытая мной.

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

И пылинка — живою частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была,
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, — кричит он, — гончар, продавец,
покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всесильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека...

Когда плачут весной облака — не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется — строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

Управляется мир Четырьмя и Семью.
Раб магических чисел — смиряюсь и пью.
Все равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную волю мою!

В колыбели — младенец, покойник — в гробу:
Вот и все, что известно про нашу судьбу.
Выпей чашу до дна — и не спрашивай много:
Господин не откроет секрета рабу.

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей — будь счастлив теперь!

Месяца месяцами сменялась до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

Как жар-птица, как в сказочном замке княжна,
В сердце истина скрытно храниться должна.
И жемчужине, чтобы налиться сияньем,
Точно так же глубокая тайна нужна.

Вместо сказок про райскую благодать
Прикажи нам вина поскорее подать.
Звук пустой — эти гурии, розы, фонтаны...
Лучше пить, чем о жизни загробной гадать!

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе — эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы!

Те, что веруют слепо, — пути не найдут.
Тех, кто мыслит, — сомнения вечно гнетут.
Опасаюсь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Недостойно — стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайама ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

Вижу смутную землю — обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблиставших и ставших добычей червей.

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

Все, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы,
Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

В поднебесье светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг,
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

Ты с душою расстанешься скоро, поверь.
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты — неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно — куда же теперь?

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о сердце мое!
И бояться не надо, о сердце мое!

Когда с телом душа распростится, скорбя,
Кирпичами из глины придавят тебя
И бездушное, ставшее глиною, тело
Пустят в дело, столетие погодя.

Где мудрец, мирозданья постигший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Все равно ничего достоверного нет —
Только саван, в который ты будешь одет...

Тот, кто следует разуму, — доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
К ним гонцы подлетали на полном скаку.
Где все это? В зубчатых развалинах башни
Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку»...

Этот старый дворец называется — мир.
Это царский, царями покинутый, пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.

Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

Если низменной похоти станешь ра́бом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

В прах судьбою растертые видятся мне,
Под землей распростертые видятся мне.
Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный:
Только мертвые, мертвые видятся мне...

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

Эй, гончар! и доколе ты будешь, злодей,
издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Положил в колесо. Ты — безумец, ей-ей!

Я кувшин что есть силы об камень хватил.
В этот вечер я лишнего, видно, хватил.
«О несчастный! — кувшин возопил. —
И с тобою
Точно так же поступят, как ты поступил!»

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала:
«Не топчи меня! — глина ему говорила. —
Я сама человеком была лишь вчера».

Поглядите на мастера глиняных дел:
Месит глину прилежно, умен и умел.
Приглядитесь внимательней: мастер — безумен,
Ибо это не глина, а месиво тел!

Сей кувшин, принесенный из погребка,
Был влюбленным красавцем в былые века.
Это вовсе не ручка на горле кувшинном —
А обвившая шею любимой рука.

Ни держава, ни полная злата казна —
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна —
Не дороже затычки от кувшина!

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей,
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...

В этой тленной Вселенной в положенный срок
Превращаются в прах человек и цветок.
Кабы прах испарялся у нас из-под ног —
С неба лился б на землю кровавый поток!

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась —
Как уже осыпается роза моя.

Половина друзей моих погребена.
Всем судьбой уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.

Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность — птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, в даль.

Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайам! Оборвется непрочная нитка.
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

Мы — послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

Даже гений — творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди — покуда стоят небеса!

Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

Я спустился однажды в гончарный подвал,
Там над глиной гончар, как всегда, колдовал.
Мне внезапно открылось: прекрасную чашу
От из праха отца моего создавал!

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна,
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

В детстве ходим за истиной к учителям,
После — ходят за истиной к нашим дверям.
Где же истина? Мы появились из капли.
Станем — ветром. Вот смысл этой сказки,
Хайам!

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

Все, что в мире нам радует взоры, — ничто.
Все стремления наши и споры — ничто.
Все вершины Земли, все просторы — ничто.
Все, что мы волочем в свои норы, — ничто.

В этом мире ты мудрым слывешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
До ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто.
Что от прожитой жизни осталось? Ничто.
Был я жарко пылавшей свечой наслажденья.
Все, казалось, — мое. Оказалось — ничто.

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:
Пить вино, слушать чанг и красавиц ласкать —
Все равно тебе с этим придется расстаться,
Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон:
Деньги, истину, жизнь — все поставит на кон!
Шариат и Коран — для него не закон.
Кто на свете, скажите, отважней, чем он?

В божий храм не пускайте меня на порог.
Я — безбожник. Таким сотворил меня бог.
Я подобен блуднице, чья вера — порок.
Рады б грешники в рай — да не знают дорог.

Этот мир — эти годы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Словно лампа — заря.
Жизнь твоя — не стекло нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, — не могу.

Ты не очень-то щедр, всемогущий творец:
Сколько в мире тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

Жизнь — пустыня, по ней мы бредем нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину —
Между тем он давно в небесах предрешен.

Вместо солнца весь мир озарить — не могу,
В тайну сущего дверь отворить — не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

Так как собственной смерти отсрочить нельзя
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска —
То и плакать об этом не стоит, друзья!

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

Ты не волен в желаньях своих и делах?
Все равно будь доволен: так хочет Аллах!
Следуй разуму: помни, что бренное тело —
Только искра и капля, только ветер и прах...

Веселись! Ибо нас не спросили вчера.
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Все за нас в небесах предрешили вчера.

Бренность мира узрев, горевать погоди!
Верь: недаром колотится сердце в груди.
Не горюй о минувшем: что было — то сплыло.
Не горюй о грядущем: туман впереди...

Если б мог я найти путеводную нить,
Если б мог я надежду на рай сохранить, —
Не томился бы я в этой тесной темнице,
А спешил место жительства переменить!

В этом замкнутом круге — крути не крути —
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире — прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно творец!

Двери в рай всемогущий господь затворил
Для того, кто из глины бутыль сотворил.
Как же быть, милосердный, с бутылью
из тыквы?
Ты об этом, по-моему, не говорил!

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
Неспособны бессильные наши умы.
В тот момент, когда с глаз упадает завеса,
В прах бесплотный, в ничто превращается мы.

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

Ни от жизни моей, не от смерти моей
Мир богаче не стал и не станет бедней.
Задержусь ненадолго в обители сей —
И уйду, ничего не узнавши о ней.

Ты не слушай глупцов, умудренных житьем.
С молодой уроженкой Тараза вдвоем
Утешайся любовью, Хайам, и питьем,
Ибо, все мы бесследно отсюда уйдем...

Видит бог: не пропившись, я пить перестал,
Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
Пил — утешить хотел безутешную душу.
Всей душою влюбившись, я пить перестал.

Были б добрые в силе, а злые слабы —
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость —
Не роптали бы мы на превратность судьбы.

Тайну вечности смертным постичь не дано.
Что же нам остается? Любовь и вино.
Вечен мир или создан — не все ли равно,
Если нам без возврата уйти суждено?

И седых стариков, и румяных юнцов —
Всех одно ожидает в конце-то концов.
Задержаться в живых никому не удастся —
Не помилует смерть ни детей, ни отцов.

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему — все обманчиво тут.
Поколения смертных придут — и уйдут.
Рви цветы — и тебя в свое время сорвут.

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Пей вино и на чанге играй веселей,
Ибо жизнь коротка, ибо нету возврата
Для ушедших отсюда... Поэтому — пей!

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
Я до встречи с тобой горевал и скучал.
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу-богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход — не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

Нищим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот,
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот.

Снова туча на землю роняет слезу.
Трезвый, этого зрелища я не снесу.
Нынче мы, на траве развалясь, отдыхаем —
Завтра будем лежать под травою, внизу.

Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела,
Ни покоя в душе, ни двора, ни кола.
Только горестей вдоволь судьба мне дала.
Что ж, Хайам, хоть за это Аллаху хвала!

От судьбы мне всегда достаются плевки,
Жизнь слагается воле моей вопреки,
И душа собирается тело покинуть:
«Больно стены жилья,— говорит,— не крепки!»

Пей вино! Нам с тобой не заказано пить,
Ибо небо намерено нас погубить.
Развалясь на траве, произросшей из праха,
Пей вино! И не надо судьбу торопить.

Все пройдет — и надежды зерно не взойдет,
Все, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Все твое достоянье врагу отойдет.

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

До того, как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глотка перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.

До рождения ты не нуждался ни в чем,
А родившись, нуждаться во всем обречен.
Только сбросивши гнет ненасытного тела,
Снова станешь свободным, как бог, богачом.

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не надейся и ты на возврат.

Вот лицо мое — словно прекрасный тюльпан,
Вот мой стройный, как ствол кипарисовый, стан.
Одного, сотворенный из праха, не знаю:
Для чего этот облик мне скульптором дан?

Если б мне этой жизни причину постичь —
Я сумел бы и нашу кончину постичь.
То, чего не постиг я, в живых пребывая,
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где уток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание —
где ж?

Этой чаше рассудок хвалу воздает,
С ней влюбленный целуется ночь напролет,
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает — и об землю без жалости бьет!

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
кто не помнит утех, не прощает обид.
Пой, покуда у чанга не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

В сад тенистый с тобой удалившись вдвоем,
Мы вина в пиалу, помолившись, нальем.
Скольких любящих, боже, в безумье своем
Превратил ты в сосуд, из которого пьем!

Старость — дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

Нет на свете тиранов злобней и жадней,
Чем земля и жестокое небо над ней.
Распороть бы земле ненасытное брюхо:
Сколько в нем засверкает бесценных камней!

Двери в этой обители: выход и вход.
Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
Кто совсем не родился — счастливее тот.

Добровольно сюда не явился бы я.
И отсюда уйти не стремился бы я.
Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился
Никуда. Никогда. Не родился бы я.

Над землей небосвод наклоняется вновь,
Как над чашей кувшин. Между ними любовь.
Только хлещет на землю не кровь винограда,
А сынов человеческих алая кровь.

Двести лет проживешь или тысячу лет —
Все равно попадешь муравьям на обед,
В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
Падишах или пьяница — разницы нет!

Этот мир красотою Хайама пленил,
Ароматом и цветом своим опьянил.
Но источник с живою водою — иссякнет,
Как бы ты бережливо его ни хранил!

Я скажу по секрету тебе одному:
Смысл мучений людских недоступен уму.
Нашу глину Аллах замесил на страданьях:
Мы выходим из тьмы, чтобы кануть во тьму!

Если гурия страстно целует в уста,
Если твой собеседник мудрее Христа,
Если лучше небесной Зухры музыкантша —
Все не в радость, коль совесть твоя не чиста!

Угнетает людей небосвод-мироед:
Он ссужает их жизнью на несколько лет.
Знал бы я об условиях этих кабальных —
Предпочел бы совсем не родиться на свет!

Милосердия, сердце мое, не ищи.
Правды в мире, где ценят вранье,— не ищи.
Нет еще в этом мире от скорби лекарства.
Примирись — и лекарств от нее не ищи.

Плачет роза по прессом: «Зачем из меня
Соки жмут перегонщики, масло гоня?»
«Годы горя и слез,— соловей отвечает,—
Вот цена одного безмятежного дня!»

Шел я трезвый — веселья искал и вина.
Вижу: мертвая роза — суха и черна.
«О несчастная! В чем ты была виновата?»
«Я была чересчур весела и пьяна!»

Семь небес или восемь? по-разному врут.
Важно то, что меня они в прах разотрут.
И какая мне разница: черви в могиле
Или волки в степи мое тело сожрут?

О мудрец! Коротай свою жизнь в погребке.
Прах великих властителей — чаша в руке.
Все, что кажется прочным, незыблемым,
вечным,—
Лишь обманчивый сон, лишь мираж вдалеке...

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

Если мельницу, баню, роскошный дворец
получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба —
Мне плевать на твою справедливость, творец!

Неужели таков наш ничтожный удел:
Быть рабами своих вожделеющих тел?
Ведь еще ни один из живущих на свете
Вожделений своих утолить не сумел!

Много ль проку в уме и усердье твоем,
Если жизнь — краткосрочный кабальный заем?
Есть ли смысл заключенным в тюрьму
сокрушаться,
Что явились мы поздно и рано уйдем?

Если б мне всемогущество было дано —
Я бы небо такое низринул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

Плачь — не плачь, а придется и нам умереть.
Небольшое несчастье — однажды истлеть.
Горстка грязи и крови... Считай, что на свете
Нас и не было вовсе. О чем сожалеть?

Мы попали в сей мир, как в силок — воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой,
Что сердца наполняются смертной тоской.
Счастлив тот, кто ее поскорее покинет.
Кто совсем не родится — познает покой.

О душа! Ты меня превратила в слугу.
Я твой гнет ощущаю на каждом шагу.
Для чего я родился на свет, если в мире
Все равно ничего изменить не могу?

И того, кто умен, и того, кто красив,
Небо в землю упрячет, под корень скосив.
Горе нам! Мы истлеем без пользы, без цели.
Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

Мне одна лишь отрада осталась: в вине.
От вина лишь осадок остался на дне.
От застольных бесед ничего не осталось.
Сколько жить мне осталось — неведомо мне.

Когда голову я под забором сложу,
В лапы смерти, как птица в ощип, угожу —
Завещаю: кувшин из меня изготовьте,
Приобщите меня к своему кутежу!

Долго ль спину придется мне гнуть или нет,
Скоро ль мне суждено отдохнуть или нет —
Что об этом вздыхать, если даже вздыхая,
Я не знаю: успею вздохнуть или нет?

Жизнь — мираж. Тем не менее — радостным будь.
В страсти и в опьянении — радостным будь.
Ты мгновение жил — и тебя уже нету.
Но хотя бы мгновение — радостным будь!

Рано утром я слышу призыв кабака:
«О безумец, проснись, ибо жизнь коротка!
Чашу черепа скоро наполнят землею.
Пьяной влагою чашу наполним пока!»

Лучше сердце обрадовать чашей вина,
Чем скорбеть и былые хвалить времена.
Трезвый ум налагает на душу оковы.
Опьянев, разрывает оковы она.

От безбожья до бога — мгновенье одно.
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!

Некто мудрый внушал задремавшему мне:
«Просыпайся, счастливым не станешь во сне.
Брось ты это занятье, подобное смерти.
После смерти, Хайам, отоспишься вполне!»

Принесите вина — надоела вода!
Чашу жизни моей наполняют года.
Не к лицу старику притворяться непьющим.
Если нынче не выпью вина — то когда?

Мертвецам все равно: что минута — что час,
Что вода — что вино, что Багдад — что Шираз.
Полнолуние сменится новой луною
После нашей погибели тысячи раз.

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любою подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

То, что бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, взаймы не прося.

Виночерпий, налей в мою чашу вина!
Этой влагой целебной упьюсь допьяна,
Перед тем как непрочная плоть моя будет
Гончарами в кувшины превращена.

Принеси заключенный в кувшине рубин —
Он один мой советчик и друг до седин.
Не сиди, размышляя о бренности жизни,—
принеси мне наполненный жизнью кувшин!

Пристрастился я к лицам румянее роз,
Пристрастился я к соку божественных лоз.
Из всего я стараюсь извлечь свою долю,
Пока частное в целое не влилось.

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилось у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке —
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

В окруженье друзей, на веселом пиру
Буду пить эту влагу, пока не умру!
Буду пить из прекрасных гончарных изделий,
До того как сырьем послужить гончару.

Не выращивай в сердце печали росток,
Книгу радостей выучи назубок,
Пей, приятель, живи по велению сердца:
Неизвестен отпущенный смертному срок.

Так как все за меня решено в вышине
И никто за советом не ходит ко мне —
Зачерпни-ка мне в чашу вина, виночерпий:
Выпьем! Горести мира утопим в вине.

Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину!

Оттого, что неправеден мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай,
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.

Тот, кто мир преподносит счастливчикам в дар,
Остальным — за ударом наносит удар.
Не горюй, если меньше других веселился.
Будь доволен, что меньше других пострадал.

Как прекрасны и как неизменно новы
И румянец любимой, и зелень травы!
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

Встанем утром и руки друг другу пожмем,
На минуту забудем о горе своем,
С наслажденьем вдохнем этот утренний воздух,
полной грудью, пока еще дышим, вздохнем!

В жизни трезвым я не был, и богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!
До зари я лобзаю заздравную чашу,
Обнимаю за шею любезный сосуд.

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Все равно ты судьба за подол не ухватишь —
Ухвати хоть красавицу за подол!

Луноликая! Чашу вина и греха
Пей сегодня — на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
Ни святошей не быть, ни безбожником злым.
Я спросил у судьбы о размере калыма.
«Твое сердце,— сказала,— достойный калым!»

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без устали хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили — и друг, и любовь.

Травка блещет, и розы горят на кустах...
В нашей утренней радости кроется страх,
Ибо мы оглянуться с тобой не успеем —
Скосят травку, а розы рассыплются в прах.

Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух.
Пусть я пьяным напился и взор мой потух —
Дай мне чашу вина! Ибо мир этот — сказка,
Ибо жизнь — словно ветер, а мы —
словно пух...

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
Разрешит все вопросы сковорода!»

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Это чаша, которая ходит по кругу.
Не стони — и тебя не минует она.

Когда ветер у розы подол разорвет,
Мудрый тот, кто кувшин на двоих разопьет
На лужайке с подругой своей белогрудой
И об камень ненужный сосуд разобьет!

Встань и полную чашу налей поутру,
Не горюй о неправде, царящей в миру.
Если б в мире законом была справедливость —
Ты бы не был последним на этом пиру.

Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто.
Жизнь в разладе с певучей струною — ничто,
Сколько я ни вникаю в дела под луною:
Наслаждение — все, остальное — ничто!

С той, чей стан — кипарис, а уста —
словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку с тебя не сорвал!

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того как суставы твои распадутся —
Утешайся с любимой, лаская ее.

Следуй верным путем бесшабашных гуляк:
Позови музыкантов, на ложе возляг,
В изголовье — кувшин, пиала — на ладони,
Не болтай языком — на вино приналяг!

Чем стараться большое именье нажить,
Чем себе, закоснев в самомненье, служить,
Чем гоняться до смерти за призрачной славой —
Лучше жизнь, как во сне, в опьяненье прожить!

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

Речка. Нива за речкою. Розы цветут.
Вижу: юные гурии мимо идут.
Принеси мне вина, не зови на молитву.
Те, что пьют спозаранку, — Аллаха не чтут!

Ты не знаешь, о чем петухи голосят?
Не о том ли, что мертвых не воскресят?
Что еще одна ночь истекла безвозвратно,
А живые, об этом не ведая, спят?

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь —
Все сожрет без остатка наследник-злодей.

Злое небо над нами расправу вершит.
Им убиты Махмуд и могучий Джамшид.
Пей вино, ибо нету на землю возврата
Никому, кто под этой землею лежит.

Не пекись о грядущем. Страданье — удел
Дальновидных вершителей завтрашних дел.
Этот мир и сегодня для сердца не тесен —
Лишь бы долю свою отыскать ты сумел.

«Как там — в мире ином?» — я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! — ответил. — Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока».

Если сердце мое отобьется от рук —
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак: узколобый невежда,
Выпив лишку — Джамшидом становится вдруг.

Вереницею дни-скороходы идут,
Друг за другом закаты, восходы идут.
Виночерпий! Не надо скорбеть о минувшем.
Дай скорее вина, ибо годы идут.

День прекрасен: ни холод с утра, ни жара.
Ослепителен блеск травяного ковра,
Соловей над раскрытою розой с утра
Надрывается: браться за чашу пора!

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Чанг настрой и на чанге играй веселей,
Ибо в прах превратило и Джама и Кея
Это вечное круговращение дней.

Лунным светом у ночи разорван подол.
Ставь кувшин поскорей, виночерпий, на стол!
Когда мы удалимся из дольнего мира,
Так же будет луна озарять этот дол.

Научась отличать свои руки от ног,
Я рукой шевельнуть самовольно не мог.
Жаль, что в счет мне поставят бесплодные годы,
Когда не был я пьян, когда был одинок.

Пей вино, ибо радость телесная — в нем.
Слушай чанг, ибо сладость небесная — в нем.
Променяй свою вечную скорбь на веселье,
Ибо цель, никому не известная,— в нем.

Чем пустыми мечтами себя донимать —
Лучше полный кувшин до утра обнимать!
Дочь лозы — эта влага у нас под запретом,
Но запретная дочка желанней, чем мать.

Те, что жили на свете в былые года,
Не вернутся обратно сюда никогда.
Наливай нам вина и послушай Хайама:
Все советы земных мудрецов — как вода...

Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии.
Кроме чаши вина — утешения нет!

Беспощадна судьба, наши планы круша.
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

Пей вино, ибо жизнь продлевает оно,
В душу вечности свет проливает оно.
В эту пору цветов, винограда и пьяниц
Быть веселыми повелевает оно!

Если есть у тебя для жилья закуток —
В наше подлое время — и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок.

Слышал я, что в раю, мол, сады и луга,
реки меда, кисельные, мол, берега.
Дай мне чашу вина! Не люблю обещаний.
Мне наличность презренная дорога.

Тучам солнца высокого не потушить.
Горю сердца веселого не сокрушить.
Для чего нам к неведомой цели спешить?
Лучше пить и в свое удовольствие жить!

Виночерпий, налей в мою чашу огня!
Надоела хвастливых друзей болтовня.
Дай мне полный кувшин этой пламенной влаги.
Прежде чем изготовят кувшин из меня.

Виночерпий, опять моя чаша пуста!
Чистой влаги иссохшие жаждут уста,
Ибо друга иного у нас не осталось,
У которого совесть была бы чиста.

Наливай нам вина, хоть болит голова.
Хмель дарует нам равные с богом права.
Наливай нам вина, ибо жизнь — быстротечна,
Ибо все остальное на свете — слова!

Встань, Хайяма поздравь с наступающим днем
И хрустальную чашу наполни огнем.
Помни: этой минуты в обители тлена
Мы с тобою уже никогда не вернем.

Трезвый, я замыкаюсь, как в панцире краб.
Напиваясь, я делаюсь разумом слаб.
Есть мгновенье меж трезвостью и опьяненьем.
Это — высшая правда, и я — ее раб!

Смертный, если не ведаешь страха — борись.
Если слаб — перед волей Аллаха смирись.
Но того, что сосуд, сотворенный из праха,
Прахом станет — оспаривать не берись.

Все недуги сердечные лечит вино.
Муки разума вечные лечит вино.
Эликсира забвения и утешенья
Не страшитесь, увечные,— лечит вино!

Мир — капкан, от которого лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
Пламя скорби гаси утешительной влагой.
Ветру смерти не дай себя с прахом смешать.

Долго ль будешь скорбеть и печалиться, друг,
Сокрушаться, что жизнь ускользает из рук?
Пей хмельное вино, в наслажденьях усердствуй,
Веселясь, совершай предначертанный круг!

Что за утро! Налей-ка, не мешкая, мне
Что там с ночи осталось в кувшине на дне.
Прелесть этого утра душою почувствуй —
Завтра станешь бесчувственным камнем в стене.

Круглый год неизменно вращенье Плеяд.
В книге жизни страницы мелькают подряд.
Пей вино. Не горюй. «Горе — медленный яд,
А лекарство — вино» — мудрецы говорят.

За страданья свои небеса не кляни.
На могилы друзей без рыданья взгляни.
Оцени мимолетное это мгновенье.
Не гляди на вчерашний и завтрашний дни.

Разум к счастью стремится, все время твердит:
«Дорожи каждым мигом, пока не убит!
ибо ты — не трава, и когда тебя скосят —
То земля тебя заново не возродит».

Жизнь — мгновенье. Вино — от печали
бальзам.
День прошел беспечально — хвала небесам!
Будь доволен тебе предназначенной долей,
Не пытайся ее переделывать сам.

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна —
Не спеши отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня —
Завтра, может случиться, ударит она!

Я устами прижался к устам кувшина.
Долгой жизни испрашивал я у вина.
«Пей,— кувшин прошептал,— и не спрашивай
много,
Ибо участь твоя без меня решена».

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик: три аршина земли.

Дай вина, чтоб веселье лилось через край,
Чтобы здесь, на земле, мы изведали рай!
Звучный чанг принеси и душистые травы.
Благовония — жги, а на чанге — играй.

Я измучен любовью на старости лет,
Пью без памяти — этим спасаюсь от бед.
О торговцы вином! Вы, должно быть, в убыток
Свой товар продаете: цены ему нет!

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

Всем известно, что я свою старость кляну.
Всем известно, что я пристрастился к вину,
Но не знают глупцы, что вино возвращает
Юность — старцу, усталому сердцу — весну.

Без вина я по жизни брести не могу,
Тяжесть трезвого тела нести не могу,
Жду, когда виночерпий напьется и скажет:
«Наливай себе сам — я, прости, не могу...»

О глупец, ты, я вижу, попал в западню,
В эту жизнь быстротечную, равную дню.
Что ты мечешься, смертный? Зачем суетишься?
Дай вина — а потом продолжай беготню!

Плеч не горби, Хайям! Не удастся и впредь
Черной скорби душою твоей овладеть.
До могилы глаза твои с радостью будут
На ручей, на зеленую ниву глядеть.

Не молящимся грешником надобно быть —
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть.

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня ублажать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

Нам обещаны гурии в мире ином.
Я хотел бы подольше остаться в земном.
Только издали бой барабанный приятен.
Не люблю пустозвонства. Дай чашу с вином!

Над Землею сверкает небесный Телец.
Скрыл другого тельца под землею творец.
Что ж мы видим на пастбище между тельцами?
Миллионы безмозглых ослов и овец!

Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь!»
«Я,— сказала блудница,— и вправду такая.
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»

Пьянство слаще, чем слава великих мужей,
Пьянство богу милей, чем молитвы ханжей,
Наши пьяные песни и стоны с похмелья —
Несомненно, приятны для божьих ушей!

Я в мечеть не за праведным словом пришел,
Не стремясь приобщиться к основам пришел.
В прошлый раз утащил я молитвенный коврик,
Он истерся до дыр — я за новым пришел.

Мы чалму из тончайшего льна продадим,
И корону султана спьяна продадим,
Принадлежность святош — драгоценные четки,
Не торгуясь, за чашу вина продадим.

Мне твердят: «Ты утонешь, безбожник, в вине!»
Вдвое дозу уменьшить советуют мне.
Значит — утром не пить? Не согласен. С похмелья
Утром пьянице хочется выпить вдвойне.

Пей вино, ибо скоро уснешь на века.
Как тюльпана цветение — жизнь коротка.
В окруженье друзей, в тесноте погребка —
Пей вино! И о смерти — ни слова пока!

Если Ты не велишь мне глядеть на луну —
Я, покорный Тебе, на нее не взгляну.
Это так же жестоко, как полную чашу
Поднести, запретив прикасаться к вину!

Не у тех, кто во прах государства поверг,—
Лишь у пьяных душа устремляется вверх!
Надо пить: в понедельник, во вторник, в субботу,
В воскресение, в пятницу, в среду, в четверг.

Ты не верь измышленьям непьющих тихонь,
Будто пьяниц в аду ожидает огонь.
Если место в аду для влюбленных и пьяных —
Рай окажется завтра пустым, как ладонь!

Говорят: нас в раю ожидает вино.
Если так — то и здесь его пить не грешно.
И любви не грешно на земле предаваться —
Если это и на небе разрешено.

Если пост я нарушу для плотских утех —
Не подумай, что я нечестивее всех.
Просто: постные дни — словно черные ночи,
А ночами грешить, как известно, не грех!

Стоит власти над миром хороший глоток.
Выше истины выписку ставит знаток.
Белоснежной чалмы правоверного шейха
Стоит этот, вином обагренный, платок.

Покупаю вино, а блаженство в раю
Я любому, кто хочет купить, продаю.
Верь в обещанный рай, если хочется верить,
И ступай, куда хочешь, покуда я пью!

Я не знаю, куда, умерев, попаду:
Райский сад меня ждет или пекло в аду.
Но, пока я не умер, по-прежнему буду
Пить с подругой вино на лужайке в саду!

Не беда, что вино мне милей, чем вода,
Труд любовный — желанней любого труда.
Мне раскаянья бог никогда не дарует.
Сам же я не раскаюсь ни в чем никогда!

Пить вино зарекаться не должен поэт.
Преступившим зарок — оправдания нет.
Соловьи надрываются, розы раскрыты...
Разве можно давать воздержанья обет?!

Когда тело мое на кладбище снесут —
Ваши слезы и речи меня не спасут.
Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
А потом из меня изготовьте сосуд!

Напоите меня, чтоб уже не пилось,
Чтоб рубиновым цветом лицо налилось!
После смерти — вином мое тело омойте,
А носилки для гроба сплетите из лоз.

Мое тело омойте вином, чтобы бог
В Судный день без труда отыскать меня мог.
Отыскать меня просто: понюхайте землю
В харабате, у входа в ночной погребок!

Буду пьянствовать я до конца своих дней,
Чтоб разило вином из могилы моей,
Чтобы пьяный, пришедший ко мне на могилу,
Стал от винного запаха вдвое пьяней!

К черту пост и молитву, мечеть и муллу!
Воздадим полной чашей Аллаху хвалу.
Наша плоть в бесконечных своих превращеньях
То в кувшин превращается, то в пиалу.

Будь, как ринд, завсегдатаем всех кабаков,
Вечно пьяным, свободным от всяких оков,
Хоть разбойником будь на проезжей дороге:
Грабь богатых, добром одаряй бедняков!

Если выпьет гора — в пляс пойдет и она.
Жалок тот, кто не любит хмельного вина.
К черту ваши запреты! Вино — это благо.
Доброта человека вином рождена.

Нынче жажды моей не измерят весы.
В чан с вином окуну я сегодня усы!
Разведусь я с ученостью книжной и с верой,
В жены выберу дочь виноградной лозы.

Когда вырвут без жалости жизни побег,
Когда тело во прах превратится навек —
Пусть из этого праха кувшин изготовят
И наполнят вином: оживет человек!

Если ночью тоска подкрадется — вели
Дать вина. О пощаде судьбу не моли.
Ты не золото, пьяный глупец, и едва ли,
Закопав, откопают тебя из земли.

Если истину сердцу постичь не дано,
Для чего же напрасно страдает оно?
Примирись и покорствуй бесстрастному року,
Ибо то, что предписано,— сбыться должно!

В книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решенья,
А потом бунтарем называют меня!

Благородство и подлость, отвага и страх —
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
Мы такие, какими нас создал Аллах!

От нежданного счастья, глупец, не шалей.
Если станешь несчастным — себя не жалей.
Зло с добром не вали без разбора на небо:
Небу этому в тысячу раз тяжелей!

Все, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам.
Каждый шаг предначертан в небесных
скрижалях.
Нету смысла страдать и печалиться нам.

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая — любовь.
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая,— любовь!

Небо сердцу шептало: «Я знаю — меня
Ты поносишь, во всех своих бедах виня.
Если б небо вращеньем своим управляло —
Ты бы не было, сердце, несчастным ни дня!»

Ты меня сотворил из земли и воды.
Ты — творец моей плоти, моей бороды.
Каждый умысел мой предначертан тобою.
Что ж мне делать? Спасибо сказать за труды?

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали —
Мы покорными стали. Не наша вина.

Где вчерашние юноши, полные сил?
Всех без жалости серп небосвода скосил.
Горевать бесполезно: что было — то сплыло.
Дай вина, чтобы смертный бессмертья вкусил!

Нам — вино и любовь, вам — кумирня и храм.
Пекло нам уготовано, гурии — вам.
В чем же наша вина, если все наши судьбы
Начертал на скрижалях предвечный калам?

Много ль проку от наших молитв и кадил?
В рай лишь тот попадет, кто не в ад угодил.
Что кому на роду предначертано будет —
До начала творенья господь утвердил!

«Надо жить,— нам внушают,— в постах и труде.
Как живете вы — так и воскреснете-де!»
Я с подругой и с чашей вина неразлучен —
Чтобы так и проснуться на Страшном суде.

Назовут мня пьяным — воистину так!
Нечестивцем, смутьяном — воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайамом. Воистину так!

Мир чреват одновременно благом и злом:
Все, что строит,— немедля пускает на слом.
Будь бесстрашен, живи настоящей минутой,
Не пекись о грядущем, не плачь о былом.

Да пребудет со мною любовь и вино!
Будь что будет: безумье, позор — все равно!
Чему быть суждено — неминуемо будет,
Но не больше того, чему быть суждено.

Кипарис языками, которых не счесть,
Не болтает. Хвала кипарису и честь!
А тому, кто одним языком обладает,
Но болтлив,— не мешало бы это учесть...

Муж ученый, который мудрее муллы,
Но бахвал и обманщик,— достоин хулы.
Муж, чье слово прочнее гранитной скалы,—
Выше мудрого, выше любой похвалы!

Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят,—
Все не свете понять и изведать хотят.
Выпьют чашу до дна — и лишатся сознанья,
И в объятиях смерти без памяти спят.

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать
Лучше друга к себе привязать добротою,
Чем от пут человечество освобождать.

Из верченья гончарного круга времен
Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
Или пьяный, привычный к вращению мира,
Ничего ровным счетом не смыслящий в нем!

Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы падших — соленые волны морей,
Рай — блаженный покой после страстных
усилий,
Адский пламень — лишь отблеск угасших
Страстей.

Хоть мудрец — не скупец и не копит добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра!

Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось
Утолить свою страсть без мучений и слез?
Дал себя распилить черепаховый гребень,
Чтобы только коснуться любимых волос!

Пей с достойным, который тебя не глупей,
Или пей с луноликой любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей.

Много мыслей в моей голове, но увы:
Если выскажу их — не сносить головы!
Только эта бумага достойна доверья.
О друзья, недостойны доверия вы!

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть,
Я хотел бы — но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть!

Когда песню любви запоют соловьи —
Выпей сам и подругу вином напои.
Видишь: роза раскрылась в любовном томленье?
Утоли, о влюбленный, желанья свои!

Пью не ради запретной любви к питию,
И не ради веселья душевного пью,
Пью вино потому, что хочу позабыться,
Мир забыть и несчастную долю свою.

«Ад и рай — в небесах»,— утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай — это две половины души.

Пью с умом: никогда не буяню спьяна.
Жадно пью: я не жаден, но жажда сильна.
Ты, святоша и трезвенник, занят собою —
Я себя забываю, напившись вина!

Пью вино, ибо скоро в могиле сгнию.
Пью вино, потому что не верю вранью
Ни о вечных мучениях в жизни загробной,
Ни о вечном блаженстве на травке в раю.

Попрекают Хайама числом кутежей
И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки —
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей?!

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — дается на время,
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

Вновь на старости лет я у страсти в плену.
Разве иначе я пристрастился б к вину?
Все обеты нарушил возлюбленной ради
И, рыдая, свое безрассудство кляну.

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуи любимой — мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

Мне с похмелья лекарство одно принеси,
Если мускусом пахнет оно, принеси,
Если вылечить хочешь Хайама от скорби —
Ранним утром Хайаму вино принеси.

Этот райский, с ручьями журчащими, край —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

Как проснусь — так устами к кувшину прильну.
Пусть лицо мое цветом подобно вину.
Буду пить, а назойливому рассудку,
Если что-то останется — в морду плесну!

Если жизнь все равно неизбежно пройдет —
Так пускай хоть она безмятежно пройдет!
Жизнь тебя, если будешь веселым, утешит,
Если будешь рыдать — безутешно пройдет.

Влагу, к жизни тебя возродившую, пей,
Влагу, юность тебе возвратившую, пей,
Эту алую, с пламенем схожую, влагу,
В радость горе твое превратившую, пей!

Если хочешь слабеющий дух укрепить,
Если скорбь свою хочешь в вине утопить,
Если хочешь вкусить наслаждение — помни,
Что вино неразбавленным следует пить!

Пей вино, ибо друг человеку оно,
Для усталых — подобно ночлегу оно,
Во всемирном потопе, бушующем в душах,
В море скорби — подобно ковчегу оно.

Если гурия кубок наполнит вином,
Лежа рядом со мной на ковре травяном,—
Пусть меня оплюют и смешают с дерьмом,
Если стану я думать о рае ином!

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

Нам дорогу забыть к харабату нельзя,
Доброй славы добыть и за плату нельзя.
Веселитесь! Чадра добродетели нашей
В дырах вся — и поставить заплату нельзя.

Мы грешим, истребляя вино. Это так.
Из-за наших грехов процветает кабак.
Да простит нас Аллах милосердный! Иначе
Милосердие божье проявится как?

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказанье
Ты ответное зло совершил? Отвечай!

Ты кувшин мой разбил, всемогущий господь,
В рай мне дверь затворил, всемогущий господь,
Драгоценную влагу ты пролил на камни —
Ты, видать, перепил, всемогущий господь?

Пусть хрустальный бокал и осадок на дне
Возвещают о дне наступающем мне.
Горьким это вино иногда называют.
Если так — значит, истина скрыта в вине!

Каждый молится богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц —
То кого же прикажете в рай допускать?

Когда друг ваш очутится в мире ином —
Помяните ушедшего чистым вином.
Когда чаша по кругу дойдет до Хайама,
Кверху дном опрокиньте ее, кверху дном!

Мы не ропщем и рабских поклонов не бьем,
Мы, надеясь на милость всевышнего, пьем.
Грех ценней добродетели, ибо всевышний
Должен что-то прощать в милосердье своем!

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

Светоч мысли, сосуд сострадания — мы.
Средоточие высшего знания — мы.
Изреченье на этом божественном перстне,
На бесценном кольце мироздания — мы!

Вместо розы — колючка сухая сойдет.
Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
Если нет под рукою муллы и мечети —
Поп сгодится и вера чужая сойдет!

Скакуна твоего, небом избранный шах,
Подковал золотыми гвоздями Аллах,
Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
Чтоб копыта его не ступали во прах.

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чаши наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедшего чистым вином!

Из сиреневой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин.

Боже, скуку смертельную нашу прости,
Эту муку похмельную нашу прости,
Эти ноги, бредущие к харабату,
Эту руку, обнявшую чашу, прости!

Если вдруг на тебя снизошла благодать —
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина.
Горек вкус у налитого в чарку рубина —
Эта горечь всей сладости мира равна.

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим —
Может статься, тогда и полюбят тебя.

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.

Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.
А для сердца влюбленного — день,
проведенный
Без возлюбленной,— самый пропащий из дней!

Убывает гордыня в сердцах от вина,
Сущность мира становится ясно видна.
Выпив чарку, смутился бы сам Сатана.
До земли поклонился б Адаму спьяна!

Алый лал наливай в пиалу из ковша,
Пиала — это тело, а влага — душа.
Улыбается весело полная чаша,
Слезы сердца осушишь, ее осуша.

Мне хмельное вино помогает зело:
Забываюсь, когда не душе тяжело.
Отчего же оно называется зельем?
Это благостный дух, побеждающий зло!

Пусть я плохо при жизни служил небесам,
Пусть грехов моих груз не под силу весам —
Полагаюсь на милость Единого, ибо
Отродясь никогда не двуличничал сам!

Не растрачивай эту двухдневную жизнь:
Получивши отсрочку — с вином подружись.
С виду прочное здание держится еле —
Так что, пьяный, и ты на ногах не держись!

Смерть я видел, и жизнь для меня — не секрет.
Снизу доверху я изучил этот свет.
Вот вершина моих наблюдений: на свете
Ничего, опьянению равного, нет!

Утром лица тюльпанов покрыты росой,
И фиалки, намокнув, не блещут красой.
Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
Чуть заметно подол приподнявшая свой.

«Снизойди,— меня сердце просило,— к мольбе:
Научи меня истине, ясной тебе!»
«А!» — сказал я. «Достаточно! —
сердце сказало. —
Много ль надо ума, чтобы вымолвить «Бэ»?

Сердце слепо — само в западню норовит,
То впадает в соблазн, то молитву творит.
Скучно быть новичком неумелым в мечети,
Лучше будь в харабате, Хайам, знаменит!

Словно роза в жасмине — вино в пиале.
Ярко-алое в белом — как пламень в золе.
Прочь сравнения,— ибо вино несравненно:
Это влага, чреватая всем на земле!

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянья бог никогда не дарует,
Ну а если дарует — зачем оно мне?

Жить до старости — боже тебя сохрани!
Проводи во хмелю свои ночи дни,
Пока чашу еще из тебя не слепили,
Сам из рук своих чашу не урони.

Вожделея, желаний своих не таи.
В лапах смерти угаснут желанья твои.
А пока мы не стали безжизненным прахом —
Виночерпий, живою водой напои!

Те, что ищут забвения в чистом вине,
Те, что молятся богу в ночной тишине,—
Все они, как во сне, над разверзнутой бездной,
А Единый над ними не спит в вышине!

Не давай убаюкать себя похвалой —
Меч судьбы занесен над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой!

Смерти я не страшусь, на судьбу не ропщу,
Утешенья в надежде на рай не ищу,
Душу вечную, данную мне ненадолго,
Я без жалоб в положенный срок возвращу.

Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал.

Что сравню во вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?

Трудно замыслы божьи постичь, старина.
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!

Если я напиваюсь и падаю с ног —
Это богу служение, а не порок.
Не могу же нарушить я замысел божий,
Если пьяницей быть предназначил мне бог!

Пить Аллах не велит не умеющим пить,
С кем попало, без памяти смеющим пить,
Но не мудрым мужам, соблюдающим меру,
Безусловное право имеющим пить!

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал, в погоне за истиной, сух и угрюм.
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

О вино! Ты прочнее веревки любой.
Разум пьющего крепко опутан тобой.
Ты с душой обращаешься, словно с рабой,
Стать ее заставляешь самою собой.

Весь Коран, к сожаленью, не каждый прочтет.
Лишь томимый духовною жаждой прочтет,
А пресветлый аят, опоясавший чашу,
Каждый пьющий не раз и не дважды прочтет!

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрузи.
Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
А непьющий святоша — хоть камни грызи!

Розан хвастал: «Иосиф Египетский я,
Отрок, проданный в рабство в чужие края».
Я сказал: «Предъяви доказательства, розан».
— «Вот покрытая кровью рубашка моя!»

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

Все святые сегодня творят чудеса:
Землю влагой живою кропят небеса,
Каждой ветки рукою коснулся Муса,
В каждой малой травинке проснулся Иса.

Погребок — наша Мекка, вино — наша страсть,
Не боимся в число нечестивцев попасть,
В душах винный осадок — мы выпили всласть,
Все стихии над нами утратили власть!

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли — огня лишена.
А любовь настоящая жарко пылает,
Сна и отдыха, ночи и дня лишена.

Роза после дождя не просохла еще.
Жажда в сердце моем не заглохла еще.
Еще рано кабак закрывать, виночерпий,
Солнце светит в оконные стекла еще!

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях — останься царем!

Если бог не услышит меня в вышине —
Я молитвы свои обращу к сатане.
Если богу желанья мои неугодны —
Значит, дьявол внушает желания мне!

Если я согрешил — то не сам по себе.
Путь земной совершил я не сам по себе.
Где я был? Кто я был? Жил впотьмах, исполняя
Все, что Он предрешил, а не сам по себе.

Для достойного — нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных — вот истинный ад!

Разум мой не силен и не слишком глубок,
Чтобы замыслов божьих распутать клубок.
Я молюсь и Аллаха понять не пытаюсь —
Сущность бога способен постичь только бог.

Ты задался вопросом: что есть Человек?
Образ божий. Но логикой бог пренебрег:
Он его извлекает на миг из пучины —
И обратно в пучину швыряет навек.

Веселясь беззаботно, греша без конца,
Не теряю надежды на милость творца.
Снова, пьяный мертвецки, лежу под забором.
Лягу в землю — создатель простит мертвеца!

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед богом — увы!

Ты, о небо, за горло счастливца берешь,
Ты рубаху, в которой родился он, рвешь,
Ветер — в пламя и воду — во прах превращая,
Ни вздохнуть, ни напиться ему не даешь.

Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд,
Поле смерти на небо тебя вознесут!
Там — ты дома, а здесь — ты в неволе у тела,
Ты стыдишься того, что находишься тут.

«Брось вино! Попадешь, — мне пророчат,—
в беду:
В день Суда испекут тебя черти в аду!»
Это так. Но не лучше ли вечного рая
Миг божественной истины в пьяном бреду?

Пощади меня, боже, избавь от оков!
Их достойны святые — а я не таков.
Я подлец — если ты не жесток с подлецами.
Я глупец — если жалуешь ты дураков.

Согрешив, ни к чему себя адом стращать,
Стать безгрешным не надо, Хайам, обещать.
Для чего милосердному богу безгрешный?
Грешник нужен всевышнему — чтобы прощать!

О жестокое небо, безжалостный бог!
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем,—
Ты немедля еще добавляешь ожог.

Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
Книгу славы мирской никогда не листал,
Кто, как птица Симург, отрешился от мира,
Но совою, подобно Хайаму, не стал.

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

Увидав черепки — не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них — а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

Дом разрушу, последний кирпичик в стене
Я отдам за вино, ненавистное мне.
«Чем расплатишься завтра?» — Чалмой и халатом.
Не Марьям соткала их — сойдемся в цене!

Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плач не плачь — а придется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирать.

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

О Палаточник! Бренное тело твое —
Для бесплотного духа земное жилье.
Смерть снесет полотняную эту палатку,
Когда дух твой бессмертный покинет ее.

Словно мячик, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игры не изменишь мольбой.
Знает правила тот, кто играет с тобой.

Я спросил у мудрейшего: «Что ты извлек
Из своих манускриптов?» — Мудрейший изрек:
«Счастлив тот, кто в объятьях красавицы нежной
По ночам от премудрости книжной далек!»

Я сказал: «Виночерпий сродни палачу.
В чашах — кровь. Кровопийцею быть не хочу!»
Мудрый мой собутыльник воскликнул:
«Ты шутишь!»
Я налил и ответил: «Конечно, шучу!»

Не тверди мне, больному с похмелья: «Не пей!»
Все равно я лекарство приму, хоть убей!
Нету лучшего средства от горестей мира —
Виноградною кровью лечусь от скорбей.

Так как разум у нас в невысокой цене,
Так как только дурак безмятежен вполне —
Утоплю-ка остаток рассудка в вине:
Может статься, судьба улыбнется и мне!

Ты, всевышний, по-моему, жаден и стар.
Ты наносишь рабу за ударом удар.
Рай — награда безгрешным за их послушанье.
Дал бы что-нибудь мне не в награду, а в дар!

Чтобы Ты прегрешенья Хайама простил —
Он поститься решил и мечеть посетил.
Но, увы, от волненья во время намаза
Громкий ветер ничтожный твой раб испустил!

Солнце светом плеснуло в окно. Благодать!
Пьяной влаге подобно оно. Благодать!
«Правоверные, пейте!» — взывают с мечетей
На заре муэззины: Вино — благодать!»

Все, что видишь ты, видимость только одна,
Только форма — а суть никому не видна.
Смысла этих картинок понять не пытайся —
Сядь спокойно в сторонке и выпей вина!

Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!
Я с утра подкреплю тебя чистым вином,
Чтобы ты не томился в обители праха,
До того как проститься со мной перед сном.

Не позор и не грех — в харабат забрести.
Благородство и мудрость у пьяниц в чести.
Медресе — вот рассадник невежд с подлецами!
Я без жалости их повелел бы снести.

В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего,
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение лучше всего.

Мне противно, по совести говорю,
после чарки притронуться к словарю.
Ты над книжками высох, а я в харабате
Пью без просыху — значит, в аду не сгорю!

Я терплю издевательства неба давно.
Может быть, за терпенье в награду оно
Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
И тяжелый кувшин ниспошлет заодно?

Почему этот кубок бесцветен и сух?
Где рейханский рубин, укрепляющий дух?
Позабудь ненадолго запреты ислама,
Не скорби в одиночку — напейся за двух!

Поглядите: валяется пьяный старик.
Он лишился рассудка — и бок постиг.
Он в дорожную пыль головою поник,
Бормоча: «Милосерден Аллах и велик!»

Я, шатаясь, спускался вчера в погребок.
Пьяный старец оттуда подняться не мог.
«И не стыдно тебе, старику, напиваться?» —
Я спросил. Он ответил: «Помилует бог!»

Мы, покинувши келью, в кабак забрели,
Сотворили молитву у входа, в пыли.
В медресе и в мечети мы жизнь загубили.
В винном погребе снова ее обрели.

Ты у ног своих скоро увидишь меня,
Где-нибудь у забора увидишь меня,
В куче праха и сора увидишь меня,
В полном блеске позора увидишь меня!

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых за чашей вина не теряй.

Пусть ханжи нас позорят, возводят хулу,
Вставши утром, на полную пиалу
Обменяем молитвенный коврик, а чашу
Со святою водой — разобьем об скалу!

Так как смерть все равно мне пощады не даст —
Пусть мне чашу вина виночерпий подаст!
Так как жизнь коротка в этом временном мире,
Скорбь для смертного сердца — ненужный
балласт.

Был бы я благочестьем прославиться рад,
Был бы рад за грехи не отправиться в ад,
Но божественный сок твоих лоз, виноград,
Для души моей — лучшая из наград!

Скоро праздник великий, Аллаху хвала!
Скоро все это стадо пропьется до тла:
Воздержанья узду и намордник намаза
Светлый праздник господень снимает с осла!

Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок неимущим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь —
Прямо в рай попадешь... Если выпить мне дашь!

Не устану в неверном театре теней
Совершенства искать до конца своих дней.
Утверждаю: лицо твое — солнца светлее,
Утверждаю: твой стан — кипариса стройней.

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданью,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть.

Для того, кто усами кабак подметал,
Кто швырял, не считая, презренный металл —
Пусть столкнутся миры и обрушится небо —
Для него все равно: пьяный, он задремал...

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь — два источника мук.
Ибо это прекрасное царство не вечно:
Поражает сердца — и уходит из рук.

Так как вечных законов твой ум не постиг —
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как бог в небесах неизменно велик —
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

Страстью раненный, слезы без устали лью,
Исцелить мое бедное сердце молю,
Ибо вместо напитка любовного небо
Кровью сердца наполнило чашу мою.

Если ты не дурак, поразмысли о том,
Хорошо ль изнурять себя долгим постом?
Пьющий — смертен, но разве бессмертен
непьющий?
Нету разницы между святым и скотом.

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.

Много сект насчитал я в исламе. Из всех
Я избрал себе секту любовных утех.
Ты — мой бог! Подари же мне радости рая.
Слиться с богом, любовью пылая,— не грех!

Что ты плачешь и стонешь? Я в толк не возьму.
Встань и выпей вина. Горевать ни к чему.
Долго ль будет глядеть светлоликое солнце
На несчастных, лицом обращенных во тьму?

От излишеств моих — разве Ты обнищал?
Что за прибыль Тебе, если я отощал?
Я смиренно прошу, чтобы Ты, милосердный,
Нас пореже карал и почаще прощал!

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

Виночерпий! Расплавленный лал принеси.
Луноликая! В кубок уста погрузи.
Ибо жаркие губы любимой и кубок
С этой огненной влагой — в кровной связи.

О прославленном скажут: «Спесивая знать!»
О смиренном святом: «Притворяется, знать...»
Хорошо бы прожить никому ни известным,
Хорошо самому никого бы не знать.

Милосердный, я кары твоей не боюсь,
Славы скверной и скользких путей не боюсь.
Знаю: ты обелишь меня в День воскресенья.
Черной книги твоей, хоть убей, не боюсь!

Тот, кто мыслью парит от земли вдалеке,
Кто узду вдохновения держит в руке,
Даже он с запрокинутой головою
Перед сущностью божьей стоит столбняке!

О мудрец! Если бог тебе дал напрокат
Музыкантшу, вино, ручеек и закат —
Не выращивай в сердце безумных желаний.
Если все это есть — ты безмерно богат!

О вино! Ты — живая вода, ты — исток
Вдохновенья и счастья, а я — твой пророк.
Я тебя прославляю в согласье с Кораном:
Ведь сказал же Аллах, что вино — не порок!

Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:
Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

Жизнь моя — не запойное чтение книг,
Я с хвалебной молитвою к чарке приник.
Если трезвый рассудок — твой строгий учитель,
Ты рассудка не слушай: он — мой ученик!

Жизнь короткую лучше прожить не молясь,
Жизнь короткую лучше прожить веселясь.
Лучше нет, чем среди этой груды развалин
Пить с красоткой вино, на траве развалясь!

Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощения мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений —
Делал все, чтобы только нарушить запрет!

Виночерпий! Прекрасней Иосифа ты.
Умереть за тебя — нет прекрасней мечты.
Свет очей моих — прах твоих ног, виночерпий!
Ты — бессмертное солнце среди темноты.

Бросил пить я. Тоска мою душу сосет.
Всяк дает мне советы, лекарства несет.
Ни одно облегчения мне не приносит —
Только полная чарка Хайама спасет!

Мы с тобою — добыча, а мир — западня.
Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня.
Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

Когда глину творенья аллах замесил,
Он меня о желаньях моих не спросил.
И грешил я по мере отпущенных сил.
Справедливо ль, чтоб в рай меня бог
не впустил?

Нищий мнит себя шахом, напившись вина.
Львом лисица становится, если пьяна.
Захмелевшая старость беспечна, как юность.
Опьяневшая юность, как старость, умна.

О законник сухой, неподкупный судья!
Хуже пьянства запойного — трезвость твоя.
Я вино проливаю — ты кровь проливаешь.
Кто из нас кровожаднее — ты или я?

О мудрец! Если тот или этот дурак
Называет рассветом полуночный мрак,—
Притворись дураком и не спорь с дураками.
Каждый, кто не дурак,— вольнодумец и враг!

О вино! Замени мне любовь и Коран.
О духан! Я — из верных твоих прихожан.
Выпью столько, что каждый идущий навстречу
Сразу спросит: «Откуда бредет этот жбан?»

Страсть к неверной сразила меня, как чума.
Не по мне моя милая сходит с ума!
Кто же нас, мое сердце, от страсти излечит,
Если лекарша наша страдает сама?

Я несчастен и мерзок себе, сознаюсь.
Но не хнычу и кары небес не боюсь.
Каждый божеский день, умирая с похмелья,
Чашу полную требую, а не молюсь!

Мне, господь, надоела моя нищета,
надоела надежд и желаний тщета.
Дай мне новую жизнь, если ты всемогущий!
Может, лучше, чем эта, окажется та.

Если б я властелином судьбы своей стал —
Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

Дураки мудрецом почитают меня.
Видит бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

ОМАР ХАЙЯМ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

Имя Омара Хайяма хорошо известно на его родине и далеко за ее пределами. Может быть, это самый популярный в Европе и Америке чужеземный поэт: во Франции и в США существовали (а кое-где существуют и сейчас) кабачки, названные по имени Хайяма, клубы последователей Хайяма, многие английские солдаты в первой и второй мировой войне несли в солдатских ранцах томик переводов персидского поэта.

Для одного из народов нашей страны — таджиков — Омар Хайям — родной поэт, творчество которого вошло в классическое наследие. Русский читатель знает Хайяма довольно давно — с начала XX в. Широкое распространение получили переводы Хайяма, выполненные О. Румером в 20-х — начале 30-х годов, а затем — переводы И. Тхоржевского.

Омар Хайям родился в 1040 г. в городе Нишапуре, на востоке Ирана. Здесь он начал свое образование, а затем продолжил его в городах Балхе и Самарканде, став знатоком многих наук того времени, известным ученым. Слава Хайяма как выдающегося математика распространилась по всему Ирану и Средней Азии, многие феодальные правители стали приглашать его ко двору. Некоторое время Хайям провел в Бухаре при дворе Караханидского правителя, а затем по приглашению знаменитого сельджукского везира Низам ал-Мулка перебрался в Исфахан, столицу огромного Сельджукского государства. Очевидно, в этот период научная деятельность Хайяма была особенно плодотворной: он создает несколько важных трудов по физике и математике, по поручению шаха разрабатывает календарную реформу.

Но в средние века судьба ученых и писателей во многом зависела от сильных мира сего. В 1092 г. умер Низам ал-Мулк, могущественный покровитель Хайяма,— для поэта наступили тяжелые времена. Он лишился поддержки двора, его научным трудам мешали. Последние годы жизни Хайяма проходят

в скитаниях. Перед смертью он возвращается в родной город и умирает там в 1112 г. В Нишапуре сохранилась могила Хайяма, позднее над ней был построен мавзолей.

Всемирное признание Омар Хайям получил после появления замечательных английских переводов Эд. Фицджеральда, впервые опубликованных в 1859 г. Перевод Фицджералда выдержал до конца века двадцать пять изданий, и, пожалуй, прав был Теннисон, когда назвал его «планетой, равной Солнцу, бросившему ее в пространство».

В творчестве Хайяма сочетаются самые противоречивые идеи и мотивы. Стоит по этому поводу процитировать В.А.Жуковского: «Он — вольнодумец, разрушитель веры; он — безбожник и материалист; он — насмешник над мистицизмом и пантеист; он — острый наблюдатель, ученый; он — гуляка, развратник, ханжа и лицемер; он — не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он — мягкая натура, преданная более созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям; он — скептик-эпикуреец; он — персидский Абу-л-Ала, Вольтер, Гейне»...

В известной мере В.А. Жуковский прав — в четверостишиях Омара Хайяма немало противоречий. Однако, главным образом, эти противоречия объясняются не противоречивостью взглядов самого поэта, а различным толкованием исследователями его четверостиший. Одни ученые воспринимают рубаи Хайяма как гимн человеческой свободе, воспевание радостей земной жизни, другие толкуют их как выражение мистической любви к абсолютному божеству, суфийские обращения к богу. Характерно, что одному и тому же рубаи разные ученые часто дают совершенно противоположное толкование.

У себя на родине Омар Хайям не пользовался таким признанием, как другие великие персидские поэты: Фирдоуси, Саади, Хафиз. Вместе с тем трудно согласиться с утверждениями некоторых европейских исследователей, будто Хайям вовсе не был известен в Иране, что как поэта его открыли европейцы. Самым убедительным опровержением этой точки зрения служит тот факт, что четверостишия Хайяма сохранились в многочисленных рукописных списках как литературного, так и философско-религиозного характера: непопулярные стихи едва ли станут переписывать веками. Об известности Хайяма-поэта свидетельствуют также многочис-

ленные цитаты из его стихов в различных сочинениях (исторических, философских и теософских).

Как нам кажется, объяснение тому, что Хайям не был так популярен, как например Саади и Хафиз, надо искать в том, что для персидского читателя он был поэтом необычным, резко отличавшимся от других поэтов характером творчества, системой образов, изобразительными средствами.

По персидским литературным канонам, в поэте больше всего ценят умение создать новые образы, по-персидски «маани».

В поэзии Хайяма, с точки зрения знатоков персидской поэзии, образов (*маани*) сравнительно мало, его стихи почти лишены «вторичных» изобразительных средств, они как бы оголены и предстают перед читателем в форме прямо выраженной мысли. В четверостишиях Хайяма образность, переносное выражение достигается прежде всего не созданием и варьированием старых тропов, а художественным вымыслом иного порядка, основанным на принципах контрастности и сюжетных поворотов. Эта особенность Хайяма выводит его из ряда канонических персидских поэтов, она объясняет, почему персидские ценители поэзии долго не решались признать его поэтические достоинства.

Рубаи (четверостишия) не выступают как основная жанровая форма ни у одного персидского поэта, кроме Хайяма. В форме рубаи писали преимущественно лирические или философские стихи (хотя изредка встречаются даже панегирические рубаи). Пожалуй, можно назвать рубаи преимущественно философским жанром, так как даже интимнолирические рубаи у персидских поэтов проникнуты определенным философским настроением.

Уже сам объем рубаи — четыре строки, из которых три (иногда и все четыре) рифмуются между собой, диктует определенные условия организации текста, подбора средств поэтической выразительности. В рубаи, разумеется, не может быть эпического начала, в нем невозможны детальные описания, психологическая детализация. Жесткие рамки формы требуют от поэта высокого мастерства и таланта. Хайям, избрав этот жанр, остался в нем непревзойденным: даже рубаи такого гениального поэта, как Хафиз, уступают хайямовским.

Рубаи Омара Хайяма отличаются от стихов других персидских поэтов также природой лирического героя. Разуме-

ется, не обладая подробными (и достоверными) биографическими данными об Омаре Хайяме, трудно сказать, насколько образ лирического героя в его стихах тождествен автору,— скорее можно говорить об обобщенном персонаже, воплотившем в поэтической форме черты ринда, вольнодумца-гуляки, столь популярного в кругу литераторов и образованных людей Ирана и Средней Азии в XI-XII вв. «Обозначен» лирический герой бывает по-разному: он выступает и как повествователь от первого лица, и как адресат, к которому обращается автор, и как собирательный тип, олицетворяющий все человечество.

Красавица, вино, трава и цветы в стихах Хайяма поставлены в оппозицию с гуриями, райскими розами и фонтанами, земное противопоставлено неземному, скепсис ученого — тупому упорству догматика, искренность лирического героя — ханжеству и лицемерию святош, жизнь противопоставлена смерти, бытие — небытию.

Омар Хайям занимает в ряду персидских поэтов исключительное место. Возможно, он не самый великий из них (да и кто возьмет на себя раздачу грамот на величие?), но, пожалуй, можно сказать, что Хайям — наиболее самобытный, не похожий ни на кого другого и вместе с тем — самый общечеловечный.

М. Н. Османов

Редактор *Л. Коршик*
Тех. редактор *Н. Заузолкова*
Художник *В. Шибаев*

Сдано в набор 27.01.92. Подписано в печать 02.04.92. Формат 70×90 1/32. Бумага писчая № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,93. Тираж 50 000. Зак. 46. С 2

Издательство «Кедр». 620019, Екатеринбург, ул. Новинская, 2.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

